

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Искусство и ответственность // Эстетика словесного творчества. М., 1979
2. Мандельштам О. «Сохрани мою речь». Лирика разных лет. Избранная проза. М.: Школа-Пресс, 1994
3. Некрасов Н. П. Лекции по русскому языку, прочитанные в Императорском историко-филологическом институте в 1883/4 году. СПб., (литографированная рукопись)
4. Сикевич З. В. Национальное самосознание русских. М., РАН, 1996
5. Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1985.
6. Успенский Б. А. История русского литературного языка. (XI-XVII вв.). М., 1988.
7. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). М., 1994.
8. Шпет Г. Внутренняя форма слова. М.: ГАХН, 1927

*Николай Николаевич ГУБАНОВ —
аспирант Московского государственного
технического университета им. Н. Э. Баумана*

УДК 140.8

РОЛЬ МЕНТАЛИТЕТА В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

АННОТАЦИЯ. На основе рассмотрения концепций экономического, культурного и технологического детерминизма обоснована гипотеза о том, что наиболее существенная движущая сила развития общества обусловлена противоречием между менталитетом коллективного субъекта и социальными отношениями.

On the basis of the concept of economic, cultural and technological determinism author has proved hypothesis that most essential moved force of development of society was caused by the contradiction between collective subject's mentality and social relations.

В социальной философии обосновывается положение о том, что в развитии социума имеет место полидетерминизм. Предполагается, что данная идея плодотворна при условии признания того, «что: а) сама многофакторность понимается системным образом и б) вес различных факторов в целом неодинаков» [1; 98]. Мы попытаемся показать, что развитие социума действительно детерминировано многими факторами, но из них наиболее существенная движущая сила — изменения в менталитете индивидов и социальных групп. Предлагаемый вариант мы условно назовем социокультурной гипотезой функционирования менталитета в обществе. Как и любая гипотеза, эта точка зрения, естественно, должна подвергаться критическому рассмотрению.

Дадим вначале наше понимание сущности и содержания менталитета. Введение нового термина имеет смысл тогда, когда для него обнаруживается специфический денотат — совокупность объектов, которая до этого не имела своего наименования. Духовный мир человека в целом и все его элементы, сознательные и бессознательные, уже имеют свои названия, и для их обозначения новый термин не требуется. А вот особенности духовного мира не имели своего обозначения. Их-то и можно именовать термином «менталитет». Ранее нами было показано, что понятие менталитета соответствует общефилософской категории особенного. *Менталитет — это возникшая на основе генотипа под влиянием природной и социальной среды и в результате собственного духовного творчества субъекта система качественных и количественных*

социально-психологических особенностей человека или социальной общности; эта система детерминирует специфический характер восприятия мира, эмоционального реагирования, речи, поведения, деятельности, самоидентификации субъекта, обеспечивает единство и преемственность существования социальной общности, а также стимулирует социальный прогресс посредством продуцирования культурных инноваций [2; 596].

Носителем менталитета является индивидуальный или коллективный субъект. В первом случае менталитет — это то, что отличает в социально-психологическом плане одного человека от других. Во втором случае признаки менталитета показывают, что общего в психике группы, и что отличает ее от других групп. Чаще всего исследуется менталитет социальной группы. Особенности, составляющие групповой менталитет, по отношению к группе (например, нации) выступают как общее, а по отношению к более широкой общности (скажем, населению всей страны или всему человечеству) — как единичное.

В менталитет следует включать особенности тех составляющих психики, которые подвержены межсубъектной дифференциации, т. е. у разных людей и социальных групп могут быть различными; как то: сенсорные и перцептивные, в том числе установки, представления-цели и представления о значимых ценностях и нормах поведения; мотивационные, представленные специфическими потребностями, интересами, идеалами, ценностными ориентациями, целями; чувственно-эмоциональные, в том числе и веровательные; волевые и характерологические; мнемонические; когнитивно-интеллектуальные (задатки, способности, знания); мыслительные, или рациональные; особенности темперамента. К ментальным особенностям относятся и специфические качества личности (способности, черты характера и др.), и оригинальное содержание духовного мира (идеи, установки, представления и др.). Мотивационные особенности, по-видимому, служат ядром менталитета, которое в значительной степени определяет характер всех других его компонентов.

Содержание менталитета перекрывается (частично совпадает, а частично не совпадает) с содержанием других духовных образований: особенности мировоззрения, общественного сознания, общественной психологии, идеологии, духовного мира людей входят в содержание менталитета. Кроме этих особенностей, менталитет включает в себя общие для данной социальной группы особенности бессознательной психики, а также личностные особенности субъекта менталитета (способности, черты характера и темперамента). Одинаковые в качественном и количественном отношении для всех людей компоненты названных духовных образований в менталитет не входят. Образ мышления, национальный характер, ценностные ориентации — это компоненты менталитета.

В отечественной философии советского периода понятие «менталитет» в качестве философской категории не использовалось [3]. Познавательный характер и регулирующие функции духовного мира индивидуального и коллективного субъекта описывались с помощью категорий индивидуального сознания, группового сознания, общественного сознания, общественной психологии, идеологии, мировоззрения. И такой подход давал определенные научные результаты. По сравнению с названными категориями понятие менталитета обладает дополнительными эвристическими возможностями. Это понятие, во-первых, служит интегральной характеристикой *уникальности* духовного мира субъекта, во-вторых, способствует пониманию *специфического типа* восприятия мира субъектом и, в-третьих, объясняет *особый способ* его поведения и деятельности.

Духовный мир регулирует активность (общение, поведение, деятельность) субъекта в целом, а менталитет в составе духовного мира детерминирует спе-

цифический характер этой активности, ее направленность. В возможности выявления специфики активности, поиска ответов на вопросы не только о том, почему происходит данная индивидуальная и массовая деятельность, но и о том, почему эта деятельность имеет *именно данный* характер, почему субъект воспринимает явления мира *именно таким образом*, заключаются новые эвристические потенции понятия менталитета по сравнению с традиционными для отечественной философии категориями. Например, понятие менталитета позволяет дифференцировать ответы на вопросы: «Почему люди участвуют в политическом движении?» и «Почему они участвуют *в этом* движении, а в *других* не участвуют?» и т. п.

Перейдем теперь к рассмотрению вопроса о движущих силах развития общества. Ранее по этой проблеме наиболее известными были три учения: марксистская концепция экономического детерминизма, концепция культурного детерминизма и концепция технологического детерминизма. Согласно первой из них, движущей силой развития общества служит противоречие в способе материального производства. По К. Марксу, растущие «производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями» [4; 7]. Разрешением этого противоречия служит изменение производственных отношений, которое, в свою очередь, приводит к изменению политической, юридической и других сфер общества. В качестве аргумента в пользу предложенной нами для обсуждения социокультурной гипотезы функционирования менталитета можно привести такой аргумент: главный компонент производительных сил — человек, а его *менталитет как стратегическая культурная программа — единственный в составе производительных сил источник всех культурных инноваций*. Ни орудия труда, ни финансы, ни природные богатства, ни другие *вещественные* элементы производительных сил не осуществляют творчества и не создают необходимой для прогресса конструктивной напряженности в системе «производительные силы — производственные отношения». Все революционизировавшие общество технические изобретения — такие, как создание паровой машины, двигателя внутреннего сгорания, радио, телефона, телевидения, компьютера — явились результатом творческого функционирования профессиональных менталитетов неизвестных и известных изобретателей, инженеров, ученых. Роль профессионального менталитета в развитии экономики показывает тот факт, что «новые знания, воплощенные в технологиях, оборудовании и организации производства, в промышленно развитых странах обеспечивают свыше 75% прироста валового внутреннего продукта» [5; 117].

Мы полагаем, что противоречие между производительными силами и производственными отношениями действительно имеет место, но только благодаря наличию противоречия между менталитетом и социальными отношениями. Важно отметить также, что менталитет — единственный источник инноваций для развития не только техники и материального производства, но и всех других сфер общества — политической, правовой, нравственной, эстетической и других.

Переходя к рассмотрению концепции культурной детерминации исторического процесса, отметим, что одним из первых ее вариантов была теория М. Вебера [6]. Он пытался объяснить экономическую жизнь капиталистического общества, исходя из базисных ценностей, которые постепенно формировались, начиная с эпохи Ренессанса и Реформации. Согласно Веберу, существует определенная взаимосвязь между господствующей в обществе религиозной моралью и экономической деятельностью, разные типы религиозной веры различным образом мотивируют людей к трудовой деятельности.

Одним из современных вариантов концепции культурного детерминизма является теория А. С. Ахиезера, согласно которой движущей силой развития обще-

ства является противоречие воспроизводственной деятельности общественного субъекта — противоречие между потребностями, ценностями и возможностями субъекта, с одной стороны, и воспроизводимым объектом — с другой [7; 321-322]. Конкретной формой этого противоречия выступает противоречие между культурой и социальными отношениями (экономическими, политическими, нравственными, этническими, профессиональными, половозрастными и другими). В понимании культуры мы будем придерживаться ее информационно-семиотической трактовки, данной В. С. Степиным, А. С. Ахиезером, Ю. М. Лотманом, А. С. Карминым. По словам В. С. Степина, «Культура... — система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [8; 61]. Поскольку менталитет детерминирует характер активности индивида или социальной группы, специфику, направленность этой активности, то он может быть истолкован как *ядро личностной и групповой культуры, как стратегическая культурная программа субъекта*. Изложенное позволяет предположить, что *основное противоречие общества — социокультурное противоречие — конкретно имеет форму противоречия между менталитетом и социальными отношениями*. Социокультурную динамику общества можно представить примерно следующим образом. В ходе своего развития общество неизбежно и постоянно получает вызовы истории. Как ответ на них в индивидуальном менталитете зарождаются новые ментальные особенности. Их появление — результат культурного творчества. Социальные условия — это фон, на котором осуществляется это творчество. Осмысление социальных условий и прошлого опыта творцами приводит к возникновению новых культурных смыслов. Эти новые смыслы могут возникать у представителей любых слоев общества, но основным их источником служит духовная элита. Чем масштабнее личность, тем большее влияние она оказывает на групповой менталитет.

Новая ментальная особенность, культурная инновация возникает вначале у отдельных лиц как ситуативное решение какой-либо актуальной для того времени социальной проблемы. Затем эта возникшая культурная инновация закрепляется, становится устойчивой, начинает распространяться в социуме и постепенно становится компонентом группового менталитета. Новые компоненты менталитета выступают как новые формы культуры — программы деятельности в нравственной, политической, экономической, правовой, религиозной, научной сферах. *Менталитет же в целом служит глобальной программой человеческой активности*. Возникает противоречие между новыми ментальными особенностями, воплощающими в себе вновь появившиеся формы культуры, и существующими социальными отношениями. Данное противоречие порождает конструктивную напряженность, которая преодолевается через соответствующую воспроизводственную деятельность коллективного субъекта. Если эта деятельность успешна, то она приводит к установлению более прогрессивных социальных отношений по сравнению с отношениями, существовавшими ранее. Общество благодаря этому поднимается на более высокую ступень своего развития. Важно подчеркнуть, что для установления новых социальных отношений необходимо, чтобы соответствующие им культурные смыслы стали устойчивыми компонентами массового менталитета. «Ход истории определяется в конечном счете... деятельностью миллионов» [9; 343].

В свою очередь старые компоненты менталитета, обладая социальной инерцией и консервативностью, могут тормозить становление новых социальных отношений. Таким образом, *менталитет имеет противоречивую природу и воплощает в себе дуальную оппозицию новации и традиции, служит одно-*

временно и продуцирующим социальный прогресс фактором, и фактором, сдерживающим чрезмерно быстрые и чрезмерно крупные социальные изменения. Обе стороны дуальной оппозиции менталитета — новация и традиция — необходимы, и между ними должно быть равновесие, своеобразный баланс. Имеется разумная мера новаций, или шаг новизны, — величина допустимых новшеств, не нарушающая стабильного состояния социума. Излишняя новизна, например, непродуманные поспешные реформы, может вызвать деструктивные процессы и последующий за ними распад социума. Но имеется и разумная мера консерватизма, традиционности. Излишний консерватизм тоже играет отрицательную роль, он приводит к застою, накоплению нерешенных проблем и вместе с этим — деструктивных процессов, которые в конечном счете могут разрушить этот социум. В менталитете духовной элиты более выражен инновационный компонент, а в менталитете масс — традиционный. Менталитет, как и весь духовный мир человека, имеет информационную природу. Поэтому, подобно любой информации, он выполняет отражательную и регулирующую функции. Регулирование менталитетом активности субъекта может быть направлено либо на сохранение существующих социальных отношений, либо на их изменение. В первом случае менталитет воспроизводит привычные образцы деятельности, во втором случае — создает новые программы активности. В соответствии с отмеченными выше сторонами своей дуальной оппозиции общая регулирующая функция менталитета разделяется на две основные социокультурные функции: 1) поддержание преемственности существования социальной общности и ее единства через устойчивость поведения и воспроизводственной деятельности входящих в нее членов; 2) стимулирование социального прогресса посредством постепенной смены ментальных особенностей социальной общности — ее культурных приоритетов — через культурные инновации как новые программы воспроизводственной деятельности субъектов. В стабильных социальных условиях указанные социокультурные функции менталитета уравновешены.

Подытоживая рассмотренное выше, можно отметить, что наша гипотеза о функционировании менталитета может быть отнесена к современному варианту концепции культурной детерминации развития общества. Далее же отметим, что концепция экономического детерминизма и концепция культурного детерминизма вначале рассматривались как взаимоисключающие. Согласно первой, выражающей традиционный марксистский подход, тот или иной способ материального производства — это главное, что определяет и социальную структуру, и политику, и духовную жизнь общества. Согласно второй концепции, представленной первоначально М. Вебером, тот или иной способ экономической жизни воспроизводится и укореняется в зависимости от базисных ценностей культуры.

Однако указанные подходы не исключают, а дополняют друг друга. Такой вывод возникает, если рассматривать общество как целостную, исторически развивающуюся систему, в которой культурные коды выполняют роль программ воспроизводственной деятельности, а последняя создает условия для жизни людей и культурного творчества. Связь между экономикой и культурой, по справедливому замечанию В. С. Степина, «не сводится к односторонней жесткой детерминации мировоззренческих универсалий способом производства, либо наоборот. Между ними существуют многообразные прямые и обратные связи» [10; 14]. Развитие общества детерминируется изменениями и в способе производства, и в культуре. Однако ведущей стороной этого взаимодействия служат изменения в культуре, связанные с функционированием менталитета индивидуумов и социальных групп.

Аналогично тому, как в ходе биологической эволюции единственным источником создаваемых естественным отбором новых форм биологической организации служат *генетические мутации*, так и при развитии общества единственным

источником новизны для развития как производительных сил, так и культуры является *духовное творчество субъекта*, направляемое его менталитетом. Поэтому можно заключить, что изменения менталитета, происходящие в силу его самодетерминации, служат наиболее глубокой движущей силой развития социума. Можно также сделать вывод о том, что менталитет стимулирует развитие общества двумя способами — опосредованно и непосредственно: 1) осуществляя технические изобретения и вводя организационно-технологические новшества, он развивает материальное производство, которое, в свою очередь, влияет на все другие сферы социума; 2) посредством культурного творчества он вызывает изменения правовых, политических, нравственных отношений, обуславливает развитие искусства, педагогики, спорта, досуга, быта людей.

Недавно О. Н. Смолин разработал концепцию образовательного детерминизма, которую он считает новой фазой развития концепции детерминизма экономического, хотя точнее его взгляды следовало бы отнести к одному из вариантов концепции культурного детерминизма, поскольку образование — сфера культуры. Этот автор полагает, что образование играет ведущую роль в развитии современной экономики как фундамента общественной жизни. О. Н. Смолин отмечает, что «практически все страны, сумевшие добиться экстраординарных темпов экономического развития (так называемого экономического чуда), за несколько лет до этого осуществляли серьезные финансовые «вливания» в сферу образования, во многом это «чудо» и стимулировавшие» [11; 19]. Здесь мы опять же видим прямую и обратную связь между экономикой и культурой: если экономика путем надлежащего финансирования обеспечивает условия для качественного образования, то последнее, формируя профессиональный менталитет высококвалифицированных специалистов, в свою очередь стимулирует экономический рост.

А. С. Кармин отмечает, что «если... культура представляет собою ... механизм для хранения, накопления, переработки и передачи информации, то отсюда следует, что именно культура, т. е. сфера информационно-семиотической деятельности, становится основой жизни ... общества. В этом плане можно сказать, что вопреки марксову тезису о первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания духовное производство (культура) ... оказывается первичным, а материальное производство (экономика) вторичным» [12; 59]. Эту точку зрения разделяли и разделяют другие авторы. Обычно их называли идеалистами в понимании общества. На наш взгляд, и традиционная марксистская позиция, и отмеченная позиция А. С. Кармина и солидарных с ним авторов верны лишь отчасти, и имеется необходимость синтеза этих позиций.

Положение о первичности бытия и вторичности сознания вытекает из понимания сознания только как отражения. Но дело в том, что «понимание сознания как отражения недостаточно. Сознание есть не только отражение наличного бытия, но и информационное творчество нового бытия» [13; 215]. Как и любая информация, сознание имеет два аспекта — отражательный и управляющий. Как отражение бытия сознание вторично, а как модель будущего бытия и программа реализации этого желаемого бытия оно первично. Менталитет представляет специфику того или иного сознания и определяет направленность активности субъекта. Поэтому менталитет первичен в отношении творимых субъектом особенностей бытия.

Коснемся теперь концепции технологического детерминизма. В ней постулировалась ведущая роль техники и технологии в развитии общества. С конца 50-х гг. XX в. технологический детерминизм принял форму концепций постиндустриального, или информационного общества. В качестве главного фактора прогресса в них признаются информационные технологии и производство информации.

Д. Белл, один из теоретиков постиндустриального общества, отмечал: «Если индустриальное общество основано на машинной технологии, то постиндустриальное общество формируется под воздействием технологии интеллектуальной. И если капитал и труд — главные структурные элементы индустриального социума, то информация и знание — основа общества постиндустриального» [14; СЛ].

Но, признавая большую роль техники и информации в развитии общества, надо иметь в виду, что творец техники — человек, а первичным источником оригинальной информации, всех инноваций в науке, искусстве, политике, религии, нравственности, праве служат духовные усилия человека, направляемые его менталитетом. Технические устройства передают, размножают, комбинируют информацию, творимую человеком. Компьютерная информация, значение которой для функционирования общества неуклонно возрастает, и которую часто именуют виртуальной реальностью, тоже имеет свой источник в ментальной сфере.

Говоря о факторах, влияющих на развитие общества, надо отметить, что рациональные моменты содержатся и в концепциях географического и демографического детерминизма, поскольку природные факторы, состав и численность населения тоже воздействуют на развитие социума.

На основе изложенного можно заключить, что имеется множество факторов, оказывающих влияние на развитие общества, и много движущих сил этого развития: изменения в способе материального производства, в культуре вообще и в сфере образования в частности, в технике, в производстве научной информации. Но наиболее существенная из этих сил, по-видимому, представлена изменениями в менталитете, порождающими новые формы воспроизводственной деятельности субъекта в экономике, политике, духовной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедев С. А., Лазарев Ф. В. Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход // Вопросы философии. 2005. № 10.
2. Губанов Н. Н. Понятие менталитета // Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. Т. 1. М.: Современные тетради. 2005.
3. Губанов Н. Н. Менталитет и его функционирование в обществе // Философия и общество. 2006. №4.
4. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1959.
5. Степашин С. В. Образование вместо «образованщины» // Вестник РФО. 2005. № 4.
6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произв. М., 1990.
7. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. II. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф. 1998.
8. Степин В. С. Культура // Вопросы философии. 1999. №8.
9. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф. 1997.
10. Степин В. С. Философия и поиск новых ценностей цивилизации // Вестник РФО. 2005. №4.
11. Смолин О. Н. Социально-философские основания стратегии модернизации России: роль образования и науки // Философские науки. 2006. №1.
12. Кармин А. С. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вестник РФО. 2005. №2.
13. Царегородцев Г. И., Шингаров Г. Х., Губанов Н. И. Философия. Изд. 2-е. М.: Весть. 2006.
14. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.

*Станислав Аскольдович ПАТЛАСОВ —
старший научный сотрудник кафедры культурологии
Тюменского государственного института
искусств и культуры
кандидат философских наук, доцент*

УДК 130.2

ПОДЛИННОСТЬ И ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу культурных оснований западной цивилизации — жизненным стратегиям, специфика которых определяет способ жизни западного типа человека. Автор полагает что автономность как главное качество личности западного человека имеет две разновидности, каждая из которых не является подлинным проявлением автономности.

The article is devoted to analysis of cultures foundations of the western civilization — life strategies, which peculiarity has determinate of whole culture western man. The author suppose, that the autonomy of western man has two states, which from everyone has not whole and authentic.

Введение

Проблема развития цивилизации, ее «пусковых механизмов», объясняющих зарождение, становление, расцвет, угасание, одним словом, цикл ее существования, остается актуальной и по сей день.

Свой вклад в исследование этой проблемы внесли выдающиеся умы человечества, начиная с платоновского «Государства» и аристотелевской «Политии», исследований и размышлений Вико, Гердера, Гегеля, Вундта, Данилевского, Шпенглера, М. Блока, Ле Гоффа, Ф. Броделя, Тойнби, Тоффлера, Фукуямы и многих достойных современных исследователей.

Охватить всех исследователей достаточно проблематично, но для наших целей ограничимся лишь теми, кто, на наш взгляд, концептуально содержательно проясняет движущие силы цивилизации.

Впервые понятие цивилизации стало широко употребляться в XVIII в. французскими просветителями. Многие из них были твердо убеждены, что цивилизация — это общество, основанное на разуме и справедливости.

В целом концепцию цивилизации достаточно ясно конструирует Ж.-Ж. Руссо. По его убеждению, животная природа человеческого существа регулируется разумом, который выражается в общественном договоре, иначе — Основном Законе, Конституции. Таким образом, цивилизация — это регуляция жизни человеческих существ посредством всеобщего Закона, которому обязаны подчиняться все люди.

Нетрудно понять, что характер всеобщей регуляции у Руссо имеет ту же природу, что и платоновская сверхчувственная идея, к которой должна стремиться разумная душа как к своему высшему благу.

Принципиально иную концепцию цивилизации разрабатывает И. Кант. Сверхчувственный, трансцендентальный всеобщий регулятор человеческого поведения им отвергается и заменяется внутренним императивным регулятором (нравственный долг).